

Трава забвения на дороге к храму

ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ

Поэтическая трава забвения, оказывается, нещадно колется и жжётся. Это неожиданное открытие наши корреспонденты сделали наемдни в селе Михайловском под Курбой, на месте родовой усадьбы Щербатовых-Шаховских, княжеских семей, одна из которых ни много ни мало – ярославская ветвь Рюриковичей. Что привело «Северный край» на тот пустырь, поросший чертополохом, крапивой и репейной колючкой в человеческий рост, и что они там увидели ещё – об этом наш рассказ.

МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНЬЯ

К руинам усадебного храма Михаила Архангела – пустая звонница с поваленным куполом, кусты на крыше – продирались мы сквозь крапивно-репейную чащобу. Тропу напрямик прокладывали сами. Чтобы попасть в храм, со звоном шагали по куче ржавья, протискивались через кое-как висящую на петлях дверь с остатками прежней роскоши – ажурной решёткой.

Озираясь под потолком с дырами, как от дальнотойных снарядов, обогнули костровое место с замусоренной горой ещё не затвердевшего пепла. Плита от усыпальницы владельцев усадьбы князей Щербатовых, двух Михайлов – отца, доблестного генерала, шесть раз раненного в Петровских походах, и сына, историка и публициста века Екатерины, автора памфлета «О повреждении нравов в России», перевернута памятной надписью вниз.

Раскоп свежим не назовёшь, но, судя по всему, кладовискатели трудились усердно: рыли под резным барельефом с короной,

военной геральдикой и полустёршимся многострочным текстом о заслугах перед Отечеством хозяев усадьбы – сиятельные царедворцы столичным некрополям предпочли для последнего упокоения сельский храм в глубине России.

Привели нас сюда новая рубрика нашей газеты к её 110-летию – «Северный край»: из XIX в XXI век» и недавняя встреча с московским историком Алексеем Лубковым, автором выпущенной в серии ЖЗЛ книги «Князь Шаховской» об одном из зачинателей-первопечатников «Северного» («Летучий голландец свободы» – в номере за 11 июня 2008 года).

С Щербатовыми, напомним, породнился его дед Фёдор Шаховской: женился на внучке историка Наталье, той самой красавице, чья размолвка с ещё одним декабристом Иваном Якушкиным по общеизвестной со времён Грибоедова версии подсказала творцу «Горя от ума» интригу несчастного романа Софьи и Чацкого. Но это уж к слову.

После переезда в Ярославль наш первопечатник подолгу жил

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

в Михайловском под негласным надзором жандармерии, предписанным губернатором. «Зем-

ский князь» занимался медициной, ремёслами, дорогами, читальнями в убеждённости, что раскрепощение народа должно пойти не через революцию, а через образование – от слова «образ», облик Божий. Но народная свобода, мы знаем, не входила в планы верховных властей, и потому энергичная деятельность хозяина Михайловского считалась опасной для судеб России.

Так что одного Шаховского было бы достаточно, чтобы уж постараться уберечь усадьбу от мерзости запустения. Но ведь нас так долго и упорно учили забывать, кто мы такие. На советских туристских картах Курба помечалась условным значком как родина человека, без всякого сомнения, достойного нашей памяти – проектировщика паровозов, лауреата Сталинской премии, академика С. П. Сыромятникова. Михайловское же, к сведению гостей, обозначалось как место расположения древних могильников. Но и только.

Чему уж тут удивляться, если в усыпальнице Щербатовых яростно боролся со скукой сельский клуб с танцплощадкой: Про те «пляски на костях» в упомяну-

той нами жэзээловской монографии сказано: злейшая ирония судьбы. Дескать, мог ли себе вообразить автор сочинения о повреждении нравов, «насколько актуальным будет его труд в нашем благословенном Отечестве и двести с лишним лет спустя».

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

Перед нашей командировкой в Михайловское, приехав на разведку в Курбу, мы времена и судьбы у планшета с родословным древом Щербатовых в школьном музее детально обсудили с учителем истории Еленой Беловой (на снимке). Это был один из самых образованных людей века просвещения: собрал домашнюю библиотеку в 15 тысяч томов – погибла в горячей Москве осенью 1812 года. Щербатов знал пять европейских языков. По повелению Екатерины II разбирал бумаги Петра Великого.

Свою многотомную «Историю Российской от древнейших времён» писал он по летописям и малоизвестным архивным источникам до самого ухода – пос-

ледний том о смутном времени оборван на полуслове. Хозяин Михайловского был родоначальником науки статистики, первооткрывателем жанра отечественной социальной утопии – в повествовании «Путешествие в землю Офирскую», тоже недописанном.

Вообще-то судьбам литературного наследия Михаила Щербатова не позавидуешь. Памфлет «О повреждении нравов в России» писал он, как теперь говорят, в стол, по его собственным словам, «для себя и потомства». Крамольную рукопись сиятельного вольнодумца «потомство» вот уже больше двух столетий всё никак толком не прочтёт.

Вспоминали о ней примерно раз в полвека. Герцен печатал памфлет на Британских островах «Колоколе». В 1908 году – нетрудно предположить, что при участии того же Шаховского – текст его удостоили чести быть опубликованным под одной обложкой с «Философическими письмами» другого и куда более знаменитого инакомыслящего – друга Пушкина Петра Чаадаева, недалекого родственника Щербатовых.

(Окончание на 2-й стр.)

Трава забвения на дороге к храму

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

В середине 30-х годов прошлого столетия, что вовсе удивительно, Соцэгиз выпустил сборник «Неизданных сочинений» Михаила Щербатова из фондов Государственного исторического музея и архивного дела «Бумаги Д. И. Шаховского». Чего там только нет: одноактные пьесы, оды, басни. А злоба дня его публицистики, всегда неудобной для сильных мира сего, видна просто по заглавиям статей: «Письмо об отпущенных на волю господских людях», «Об отставных солдатах и детях их», «Могут ли дворяне записываться в купцы».

В заметках «По крестьянскому вопросу», написанных по-французски от имени неко-

ковых прудов с карасями и декоративными рыбками.

Про всю эту водную экзотику рассказал нам второй провожатый по михайловской некости – местный житель, по гражданской специальности плотник и столяр Валентин Коротков. Пруды зарастают крупными карасями он и сегодня в одном из них ловит. Декоративных расфуфыренных рыбок Валентин Николаевич зорким глазом десантника – бывал и в Египте, и на Кубе – видел ещё совсем недавно. На крючок они никогда не брали. Куда теперь подевались, не ясно. У старожила Михайловского, человека, как видно, с юмором, своя разгадка:

– С непроглядной тоски погибли сердешные.

А ещё поведал нам Корот-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

его Гражданина мира (перевод Д. Шаховского), автор размышлял, как, не отменяя крепостного права, избавить крестьян от голода повышением урожаев за счёт новой агротехники и развитием ремёсел. Он открыто утверждал, что хвалёный «Наказ Екатерины» ведёт «к деспотическому правлению».

Взятку с её круговой поручкой клеймит Щербатов так, будто речь идёт о наших днях. Не пожалеем места на цитату: «Чины стали все продажны, должности недостойнейшим стали даваться и кто более за них заплатит, а и те платя, на народе взятками стали сие возмещать». Не в бровь, а в глаз, а, граждане?

Хозяин Михайловского верил в «лучшее царствование». На прощанье нарисовал в памфлете на полстраницы портрет идеального, по его убеждению, правителя – государя, «привязанного к Закону Божью, строгого наблюдателя правосудия».

ПОРА БРАТЬ КОСУ В РУКИ

Судя по формулярам «Неизданных сочинений» сборник в областной Некрасовской библиотеке не сказать, что на расхват, а всё же читают, если точнее, почитывают. Так пойдёт дальше, смотришь, и о Михайловском вспомним. Судя по биографии хозяин, большой любитель уединения с пером в руках, много чего хорошего написал здесь возле старинной екатерининской дороги, под сенью парка, на берегах тихой речки Пажа, родни-

ков, что главный усадебный дом стоял в парке над речкой и было в нём, как в народе говорят, «ровно сорок три комнаты». Фундамент растащили кто куда, а больше на щебёнку для ремонта дороги, той самой, екатерининской. От хозяйственного двора остались конюшня, сторожка, подвал для льда – «холодная». Всё что более или менее в повседневном обиходе сгодилось исправно служит местным жителям, дачникам и – судим по табличке у барского парка сплошь заросшего, – охотхозяйству «Щёкотово».

Дачный посёлок – чистый ухоженный: теплицы, сады, железные ограды, сторожевые собаки, современные домфоны. А как же быть нам с теми неприступными руинами, давно ставшими привычной местной исторической достопримечательностью? Спокойно дать им догнить и развалиться? До основания, а затем?.. Это мы умеем. А что если по примеру неисправного патриота и правдоискателя, историка Щербатова в кои-то веки захочется нам почувствовать себя хозяевами не только в тещином огороде но и на просторах родного края и всего Отечества?

Тогда уж неминуемо придётся перво-наперво брать косу в руки и – вперёд. На расчистку от позорного чертополоха храмовой горки. А дальше – видно будет, как нам привести в порядок старинное село с ободряющим экологическим чистым пушкинским названием Михайловское.

Юлиан НАДЕЖДИН